



Олег Рубанский

Где синяя река

СТИХИ

Олег РУБАНСКИЙ

Где синяя река

СТИХИ

Киев 2025

Где синяя река

Блажен

1.

Сколько слов туманят мой рассудок,
сколько истин скрыто от меня...
Молодости ветреной причуды
всё ещё вынашиваю я.
Но сквозит за ними обречённость
и потусторонняя бездонность.
И в её неясные черты
всматриваюсь я до слепоты...
Оттого ли я немного странен
и кажусь в суждениях пространен?
И порой, быть может, потому
действую, не следуя уму?

Всяк на свой манер воспринимает,
всяк свою природу понимает;
и пока не слышит вой Сирен,
всяк обманут жизнью и... блажен.

2.

Блажен поэт, кто дружеским сонетам
вверяет тайны сердца – напоказ.
Блаженна Муза юная поэта,
покуда ей звучит: Пегас – Парнас!

Когда в кругу товарищей беспечных
ты поневоле отдан сатане,
блажен и ты в том сне недолговечном.
А кто обманут – тот блажен вдвойне.

Чем слаще были упований звуки,
чем меньше понимал ты, что – блажен,
тем большие раскаянье и муки
тебя подстерегают...

3.

...И ты тогда отбросишь прежний вздор
и сам себе объявишь приговор:
Не искушай судьбу, отвергни узы
никчёмных дружб, обманчивых затей;
из хаоса, из царствия теней
освободи мятущуюся Музу.
Блажен,
 блажен,
 блажен...
Но только с ней.

1986



Пролог

Тот, кто решит провести досуг неторопливый
за чтением этих строк,
надеюсь, мне простит мой нрав нетерпеливый
и слог...

Но можно уличать меня в грехах,
выискивать в стихах несовершенства,
чтоб в собственных возвыситься глазах.
(Есть разные источники блаженства...)

А я... Не всё ли мне равно?
Быть может, умер я давно...
А если жив, не претендую
на то, что Богом не дано.

* * *

...А надобно писать стихи тогда,
когда простым словам с душой не разминуться,
когда источник чист, как горная вода,
и чувства необузданные льются.

Эпиграмма себе

Всё, что дадено мне в этой жизни познать –
лишь от целого малая долька...
Я, конечно, совсем не хочу умирать.
Эпиграмму слагаю. И только...

* * *

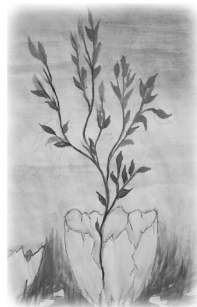
О, это женское начало!
Кому оно ни обещало
любви светлой и спасенья,
и вдохновенья, вдохновенья!

Сто раз обманутым я буду –
сто раз надежду не забуду,
поскольку помню ежечасно:
начало женское – прекрасно!

* * *

Мы живём, покрыты скорлупою,
часто против ближнего греша.
А под ней скрывается порою
светлая, ранимая душа.

На неё одежды не примерить,
мир её не сузить, не объять.
Можно лишь глазам её поверить,
вдуматься, прислушаться, понять.



* * *

*Я всегда был за тех, кому горше и хуже,
Я всегда был для тех, кому жить тяжело.*

А. Вертинский

Шёл никому ненужный человек
по тротуару суетливой улицы.
Так робко, недоверчиво сутулился.
Шёл никому ненужный человек.

Надеясь как-то слиться с непохожими,
он делал вид спешащий пред прохожими.
...Среди пивных, шашлычных и аптек
шёл никому ненужный человек.

Вот так он шёл и думал про своё:
работа, одиночество, жильё...
Свой ежедневный совершая бег,
шёл никому ненужный человек.

Проходит время. Вот и день прожит.
Над ним тихонько вечер ворожит.
Прогресс бушует! Торжествует век!
...Шёл никому ненужный человек...

1983

Зимняя хандра

На улице уже темно.
Моё сиротское окно
печально смотрит из мрака ночи...

А рядом улица сутулая,
мелькают фары автомобильные.
И, с цветами, продрогший юноша
нервно топчется под витринами...

Мы близки, в нас общие печали,
нам бы жить и жить в одном начале,
воедино свиться бы ветвями!
Что напрасно спорить с холодами?

...Заметает землю белым снегом.
Пробирает тело жгучим холодом.
А деревья – ведь деревья голые!
Обнимаю продрогшее дерево...

* * *

Улетают птицы вдаль.
Белые, белые крылья, будто яркие свечи
в небе пустынном горят.
По озябшей голой аллее
ветер носит последние листья,
потускневшие листья
нашей несчастной любви...

Но разве была любовь?
Это была жестокая шутка
и смешная неловкость
между мной и тобой.

Разве любовь была?
Просто был летний вечер.
Был последний наш вечер.
Просто дул лёгкий ветер
без тепла.



* * *

Я о Вас не ведаю,
я о Вас не думаю,
не тоскую, не зову –
я теперь не тот.
И уже за речкою
в тихом переулочке
я стою неузнанный
у чужих ворот.

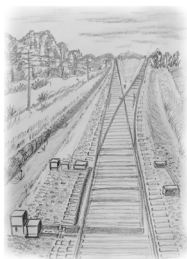
Я теперь застенчивый,
робкий и задумчивый,
у судьбы решения
жду на берегу.
Скромненькую девочку
я держу за плечики,
и она поверит ведь
в то, что я не лгу.

Я о Вас не ведаю.
И жалеть мне нечего.
Буду ночью лунною
бредить до зари;
девочке доверчивой
заласкаю плечики
и прижмусь к испуганной
девичьей груди...

Вы со мною встретитесь,
глянете обиженно,
скажете, что для меня
Вы теперь – табу,
и что я такой... плохой!..
Но я уже за речкою.
Я ушёл испытывать
новую судьбу.

* * *

Я далёко еду, берегу надежду,
не смотрю на бедность и свою одежду.
Вся моя одежда – пиджак да штаны.
И лишь одной надеждою думы полны.
А из жизни той моей прежней страстной
помню я лишь несколько мгновений прекрасных.
Позвала дорога в дальние края.
Прощай, недотрога, поминай меня.
Прощай, не тревожься про долг да про честь;
на твоё богатство охочие есть.
Я тебя не стану соблазнять грехом,
ты меня не будешь проклинять потом.
Обо мне, пожалуйста, не жалея, дитя.
Я ещё немного поживу шутя.
Ты меня боялась, оттолкнула. Зря ль?
Но теперь меж нами – даль.

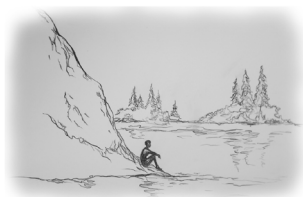


Девичья песня

Над рекою берестовою
облака плывут высокие.
Деревушка на пригорочке
смотрит в ранние поля...
Если б я была бедовою,
не ходила б речки около,
не сидела бы на камушке,
не печалилася б зря.

Я б не думала о суженом,
не завидовала б реченьке, –
что течёт она, неспешная,
что мудра и глубока;
прочь гнала бы я сомнения
и плыла бы по течению,
как плывут по небу синему
без печали облака.

Облака плывут высокие,
облака плывут спокойные...
Посмотрите – где мой суженый?
Вам всё видно свысока!
Он такой же неуверенный
и в глуши своей затерянный,
и с мечтою о единственной
всё глядит на облака...



* * *

Ты как бабочка летишь
на огонь свечи,
то смеёшься, то молчишь,
то кричишь в ночи,
то невольная слеза
выливается,
если в память что-то вдруг
возвращается.

Ну а он тебе опять:
«Ах ты – вредная!..»
И уж вовсе не унять
сердце бедное.
Сердце тяжестью томят
все страдания.
Только слёзы и блестят
в наказание, –
что идёшь к нему в постель –
боль, бескрылая,
виноватая, раба,
опостылая...
В сотый раз себе одно лишь твердящая:
«Не испорченная я,
не пропащая...»

1983

* * *

Влюблённому юноше песен не пой
о прежних уладах своих.
Ведь так он прекрасен и чист пред тобой,
так кроток, застенчив и тих.

И как он беспечен в обманчивом сне;
и как он, надежды тая,
сгорает в тобой разожжённом огне
и шепчет одно: «Ты – моя!»

Не пой этих песен ему и тогда,
когда отгрохочет гроза,
когда, тяжело отрываясь от сна,
он миру откроет глаза.

Ты в жизни его – лишь минута, когда...
когда ещё всё впереди.
Нет, он не поймёт твоего «навсегда»,
без слов в «навсегда» уходи.

Ты в сотую полночь забудешься вновь:
«А, всё – чепуха и муть!»
Он в сотую полночь забудет любовь
и снова отправится в путь.

Но нынче, пока он ещё пред тобой
и к вам забытьё грядёт,
о прежних уладах ему не пой.
Иная в нём песнь живёт –

о дальней дороге, о вечной весне,
о чистой, большой любви...
Ах, как он беспечен в обманчивом сне!
Не пой ему песни свои.

1985

Две флейты

Мы с тобой – две флейты и единый вдох.
Что, когда б не встретились мы среди дорог?

Всё равно мы вместе были бы с тобой.
Я и ты – два голоса песенки одной.

Я и ты – два голоса песенки одной.
А что было б, если был бы я немой?

Мы б тогда молчали, зная и без слов:
мы с тобой – два сердца и одна любовь.

Мы с тобой – два сердца и одна любовь.
Но что будет, если смерть остудит кровь?

Мы тогда сольёмся с далью неземной,
две души в объятьях вечности одной.

А пока не грянет скорбный глас трубы,
мы с тобой – две флейты у одной судьбы...

Одиночество

Одиночество. Это дорога.
Нелегко идти одинокому,
то карабкаясь вверх высоко,
то срываясь в пропасть глубокую.
От него на душе – клеймо,
а на сердце зияет рана,
в нём бывает потребность, но
есть опасность самообмана.
Одиночество – нервный бой,
одинокому нет покоя,
одиночество встало стеной
в поединке с самим собою.
Это – парус в море бушующем
или птица, лишённая крыл...
Одиночество – надежда на будущее,
для которого хватит ли сил?



* * *

– Расскажи мне о себе.
Как долго мы в разлуке были!
Не прекословили судьбе,
и ничего не позабыли.

– Мой друг, к чему теперь слова?
Они поведали б немного.
Меня преследует молва,
тревога, вечная дорога.
Какие могут быть слова?
Одна лишь грусть, одна лишь память...
Меня преследует судьба
твоими скорбными глазами.
Какие могут быть слова?
Они поведали б немного.
И жизнь по-своему права.
Дорога. Вечная дорога...

Возвращение к надежде

Если к тебе подступает тоска,
если беду одолеть нету силы,
если судьбы неподкупной рука
в сердце надежду убила,
если невзрачен и пуст твой приют
и одиночество голову кружит –
вспомни о том, что тебя где-то ждут, –
значит, кому-то ты нужен.
И в ожидании светлого дня,
в час, когда душу тревожат сомненья,
вспомни, что где-то надежда твоя
ждёт твоего возвращенья.

Зову надежды навстречу спешу,
с верой в любовь собирайся в дорогу.
Мир так велик – в нём для каждой души
есть уголок, слава Богу!

.....
Времени бег незаметен порой,
годы твои пролетят молодые.
Всё быстротечно.
А над тобой –
неба глаза голубые...

1985



* * *

Для людей нет счастья неземного,
сколько ни придумывай – не будет.
Даже если Рай нам уготован, –
наше счастье здесь, пока мы – люди.

Нам и вера не откроет дверцу,
если неземною она будет.
Вера – это путь от сердца к сердцу,
от судьбы к судьбе, ведь все мы – люди.

Жизнь во всём – и в плотском, и в духовном.
И пока с Природой в мире будем,
будем состоять в родстве мы кровном
и любить земное не забудем.

Нет любви без мук, но без любви нет счастья;
над любовью истинной не властны будни.
С нею мы пройдем сквозь все ненастья.
А умрёт любовь – и нас не будет.

* * *

Из зарослей лиан, из дремучей темени
на поляну, солнцем залитую,
под бой барабанов, к земле согнувшись,
выбредают, колени привычкой согнуты,
люди дикие, мхом обросшие,
несмышлёные, безнадёжные,
лишь глаза полыхают надеждою.

И под бой барабанов из кожи стонущей
возводят трущобы, роют ямы зловонные,
дабы жить там, и жить по-новому.

Строят рабство.
И старший по племени
суетливо ворчит, на костях восседаючи;
прихлебатели задницу лижут ему,
а послушные –
те сгибаются молча, украдкой плачучи,
с неуёмной тоской о покинутых зарослях.

Ну а кто разогнётся – тому наказание:
лечь костями к ногам своего властителя.

Замрите...
Рождается мир человеческий.
Рождаются души непокорённые.
И всё ещё впереди...

Баллада о распятии Сына Божьего

*«...и поставили над головою Его надпись,
означающую вину Его...*

*Проходящие же злословили Его,
кивая головами своими...*

*Подобно и первосвященники с книжниками
и старейшинами и фарисеями...*

*Также и разбойники, распятые с Ним,
поносили Его».*

От Матфея. Глава 27

«Радуйся, «Сын Божий», предвкушай себя в раю.
Мы тебе поможем жизнь укоротить твою.
Что молчишь, блаженный, мнимый Иудейский Царь?
Думаешь – воскреснешь? Вот тебе готов алтарь.

Разбирай одежды! На какой прорехи, – свята!
Эй, ну ты – невежда! Для тебя не эта – вон та!
Для тебя – святая, ну а мне – целее гони!..»

– Боже мой! Или, Или! лама савахфани?*

Палачи глумились над распятием Христа.
Над землёй сгустилась черной болью темнота.
На горе Голгофе – воины, огни...

– Боже Мой, Боже Мой! Или, Или! лама савахфани?

«Илию зовёт он. Разве Бог его спасёт?
Если он от Бога – пусть сейчас с креста сойдёт.
Отрекись, обманщик, – небеса простят.
Все мы, все мы грешны, здесь никто не свят.

«Сей есть Иисус, Царь Иудейский», зрите: вот
разрушитель Храма, коего проклял народ.
Да воздастся самозванцу всё, чем он не стал!
Слышишь, слышишь, «Сыне Божий»?! – сойди с креста!

Или, может, Илия Сам к тебе придёт?
Не придёт Он. На кресте твой окончен род.
Был бы ты от Бога – покарал бы нас.
Всех врагов прогнал бы. И себя бы спас...
За кого ж страдаешь ты и за что распят?

...Боже, все мы грешны. Здесь никто не свят».

** – Или, Или! лама савахфани? –
«Боже мой! Боже мой! для чего Ты Меня оставил?» –
слова на арамейском языке, произнесенные Спасителем на кресте.*

Мф. 27

Сон над обрывом

А. Шаргородскому

Мне один говорил: «Правды нет на земле...»
и, мол, стоит ли жить столько лет?
А другой убеждал: «Нынче правда в цене, –
я как будто родился на свет!»

Но один говорил: «Я не верю словам
и не праведны наши дела».
А другой восклицал: «Я такое создам –
где б та правда твоя ни была!»

Но один говорил: «Жадность губит людей,
им важны лишь рубли и чины».
А другой утверждал: «Ради наших идей
мы в правах по достатку равны!»

Но один говорил: «Я б в достатке зажил,
если б был нагловат я и плут».
А другой увещал: «Кто денегжат отхватил,
тот и сыт, и одет, и обут».

Но один говорил: «Мы играем судьбой,
вечно кто-то клеймён и распят».
А другой отрубил: «Нет дороги иной!»,
лес, мол, рубят – и щепки летят!

Я стоял на краю и, не смея дышать,
думал: где же мне скрыться? Как быть?
Им обоим меня надоело держать,
но боятся меня отпустить.

Вот один говорит: «Упадёшь! Пропадёшь!
Ах, зачем я тебя возлюбил?»
А другой утешает: «Ещё поживёшь!
Лишь бы этот тебя отпустил!»

Проклинаю судьбу, от страданий устав,
я решил: мне не жить!..
Но в тот час
вдруг заплакал ребёнок, мой сон оборвав, –
и меня, непутёвого, спас.

1988

* * *

Чесні люди ходять одні.
Чесні люди ходять сумні.
В нас завжди жилось їм найгірше, панове.
І навіть ще гірше, ніж на чужині.

Їх мало лишилось, бо їхні шляхи –
то завжди розплата за наші гріхи...

Примара

На якій дорозі що тебе чекає?
Між людьми недобра Примара блукає.
Ходить, визирає: чого натворити,
кого настрахати, де що ухопити.

Скільки літ минає – Примара блукає.
Що з нею робити – вже ніхто не знає.
А якщо хто знає – сам того боїться,
бо й сам визирає: чим би поживиться.

Хоч як не честися – все одно – страждати.
Хоч як не молися – не минають страти.
Будеш вірним – зрадять, будеш чесним – зв'яжуть,
скривдять та завадять, а правди не скажуть.

Як одному кара – другий утікає.
Між людьми Примара недобра блукає.
Примара усюди, Примара панує!
Хоч є добрі люди, – та хто ж їх шанує?

1990

1993-й

А жизнь идёт...
Я старые одежды
донашиваю.
Дальше – как-нибудь.
Да, всё теперь не так, как было прежде,
и прошлого, конечно, не вернуть.
Ну, разве что, как прежде, будет сложно
свободно жить, и мыслить, и творить.
И кажется: так больше невозможно!
А надо ещё завтра пережить.

Вот так живём. И что же мы имеем,
свидетели великих перемен?
Кто мало честен был – не стал честнее.
А честным – не во благо новый плен.

Ну как прийти к заветной середине?
Неужто невозможно никогда?
В стране, где подменяются святыни,
меняются ли нравы, господа?
Всё то же, то же и опять всё то же –
фанфары, и вериги, и враньё,
и ненависть...
Спаси, помилуй, Боже,
забытое отечество моё!



Песня о доброте

Не пеняйте человеку на болезнь и нищету,
не ищите в человеке неземную красоту,
не унижьте человека ради собственной цены,
ибо нету человека – человека без вины.

И не стоит насмехаться над причудой чудака,
и не надо возвышаться над мечтами слабака,
уважайте человека, не копайтесь в потрохах,
ибо нету человека, не погрязшего в грехах.

Мир наш болен злобой, ложью, алчность поднята на щит.
Погубить в нас искру Божью тьма невежества грозит.
Но поруганная правда в люди выйдет из глуши,
ибо нету человека – человека без души.

Мы и плачем, и смеемся, и надеемся, и ждём,
то надолго расстаёмся, то на коротко найдём,
то по замкнутому кругу мчимся бешеной толпой...
Нам бы жертвовать друг другу хоть последней добротой.

Ибо нету человека – человека без вины,
ибо нету человека – человека без греха,
ибо нету человека – человека без души,
ибо нету человека – человека без добра.



* * *

Ты – поэт, тебе не надо славы;
полюбив поэзию в себе,
ты не станешь мудрствовать лукаво,
делать китч, притворствоваться в судьбе.
Ты не будешь, лestia и потакая,
продаваться конъюнктуре дней.
И за то люблю и поздравляю
я тебя с поэзией твоей.

* * *

Хорошо бывать на праздниках друзей,
жить становится намного веселей.
Ну а нынче мне особенно приятно,
и от этого душе – ещё теплей.

Я люблю вас, о я знаю почему!
Я и сам ведь лишь единожды живу.
Мы встречаемся, друг друга обретаем,
ибо тяжело жить на свете одному.

Выбираем, доверяемся мечтам.
Почему бы нет? – мечтайте! Тра-та-там!
Видит Бог, как искренне желаю
я всего возвышенного вам!

* * *

А. Марковой

В жизни всё тревожно,
в жизни всё печаль,
в жизни всё так сложно,
всё чего-то жаль.
Жаль, когда нас губят –
злобно ль, сгоряча ль...
И когда не любят –
тоже очень жаль.

В жизни всё опасно,
не смирив пыл,
сколько мы прекрасных
расточаем сил!
Гонят нас и ломают
страсти, беды, даль...
Если нас не помнят –
тоже очень жаль.

В жизни всё банально –
деньги, маета.
В жизни всё фатально –
сроки и счета.
Если нас осудят –
вынесем печаль.
Если ж нас не будет –
будет очень жаль.

* * *

Какое счастье жить на этом дивном свете,
любовию дыша и щедрюя добром!
Блаженство ощутить, проснувшись на рассвете,
и душу напоить пьянящим естеством.

Дышать! И пить настой густых туманов,
отныне – и навек поверить в чудеса,
поверить в чистоту, отречься от обманов,
когда в ладонь падёт прозрачная роса.

В ней – неба глубина и трепетная нежность,
и первый солнца луч, сияющий в тиши,
и бренность бытия, и смерти неизбежность,
и вечная печаль возвышенной души.

Ну как тебя сберечь, о хрупкое создание,
слезинка на краю у собственной судьбы?
Я постигаю вдруг величье мироздания
и страх перед лицом бессмысленной борьбы.

Всё – ложь и суета, порочные искони!
Что может быть святей и праведней её –
сей капельки росы, лежащей на ладони?
Лишь только в ней одной спасение моё...

1989





Девушка моей мечты

Где-то поезда гудят прощально,
кто-то шепчет вечное: «Прости...»
Ну а мне всё помнится печальный
тихий полустанок на пути.

Там трава густа и не примята,
чувства безрассудны и чисты.
Там тебя я выдумал когда-то,
девушка моей мечты.

Дни с тех пор проносятся гурьбою.
Вот уже не безрассудна страсть.
Дамы, не придуманные мною,
надо мной придумывали власть.

А когда душа во мне болела,
были они чёрствы и пусты.
Только ты одна меня жалела,
девушка моей мечты.

Ты меня встречала с поездами,
проводжала в дальние края,
мы с тобой взлетали над годами
маревом иного бытия.

Нет, мы не искали идеала
и его не ведали черты.
Ты меня, конечно, понимала,
девушка моей мечты.

Поезда уносятся за дали.
Слышатся банальные слова.
Мы уже не можем без печали,
а надежда – вечная вдова.
А фортуна – что она забыла
в нашей жизни, полной маеты?
Только ты всегда меня любила,
девушка моей мечты...

1990

* * *

Ты приходишь в ночи из холодной дали,
когда я отчуждён, болен, позабыт...
И склоняюсь надо мной призраком печали,
смотришь в душу мою, полную обид.

Прикасаясь ко лбу влажными губами,
ты мне даришь свои запахи дождей.
Вот последняя грань рушится меж нами,
вот уж нет для меня никого родней.

Всё отброшено прочь – страхи, одеяла...
Только что нам возня обнажённых тел? –
Не во имя того ты меня желала,
не во имя того я тебя хотел.

...Вот лежу, не дыша, и глаза не прячу,
доверяю себя лишь тебе одной.
Неужели и ты верила в удачу
и мечтала стать моей верною женой?

Ах, давно уже нас не гнетут измены,
и ни в ком нам уже не искать вины!
Мне остались одни лишь чужие стены,
а тебе – этот крест не моей жены.

Ты с рассветом уйдёшь. А на лист бумаги
свет падёт от окна бледный и чужой,
соберутся слова – грустные бродяги,
одиночество вновь встанет над душой.

Вот – рождение из мук, из ночи бессонной;
осознание потерь зачато в грехах.
Вот он – зреющий плод связи обречённой,
обретающий явь в чувствах и стихах.

Я разбил свою гитару

Эту боль, эту кару
я тогда заслужил...
Потому что гитару,
бросив на пол, разбил.
Я совсем не случайно
размахнулся плеча –
я в себе специально
разбудил палача.
Я стонал от мученья,
зуб о зуб скрежетал,
я познал ощущение
самых страшных начал.
Струны тонкие выли
и стонали низа...
Но чужими вы были
предо мною, глаза.
А потом я метался,
как затравленный зверь,
и отчаянно рвался...
но в закрытую дверь.
С неба грустно глядели
на меня образа...

Только вы холодели
предо мною, глаза.

А в природе царило
лишь одно естество.
В эту ночь наступило
на земле Рождество.

Вифлеемской звездой
снова мир возвещён.
Ну а я сам собою
во грехе уличён.
Мои домыслы – ложны,
моим чувствам – невмочь,
я пропал безнадёжно,
мне уже не помочь;
и никто не услышит,
как мой стон одинок,
только в спину мне дышит
неземной холодок...
И хочу я куда-то
убежать далеко!
Но себя-то, себя-то
обмануть нелегко...

А потом наступила
в душе пустота...
И к чему это было? –
не понять ни черта.
По какому навету
я на жертву пошёл?
Жаль мне женщину эту –
что её я нашёл.
То не мой был попутчик
на распутье моём,
я б с гитарой лучше
оставался вдвоём, –

чтобы пела над нами
голубая труба!

Ты прости меня, память,
и помилуй, судьба.

1991

Песня о моей любви

Прольётся ли будничный дождь над этой землёю печальной,
иль снегом за окнами снова тоскливо завьюжит зима, –
я в тысячный раз возвращусь к любви своей изначальной,
которая, может быть, вечна, как вечна Природа сама.

И где-то за дальней чертой в прекрасной стране необманной,
где так же дожди и метели проходят своей чередой,
ты веришь любви моей, всегда бесконечно желанной,
всегда изначально ранимой, но вечно хранимой тобой.

Так с наших пустынных планет минувшее смотрит нам в спины,
и всё, что случится в грядущем, скрывает от нас наша тень.
Зачем же, зачем же, за чем сквозь ночь

в неизвестность ушли мы?

Когда же, когда же, когда же придёт, наконец, новый день?

За тою далёкой чертой, всего лишь для нас не открытой,
всего лишь не ставшей судьбою (а может, придуманной мной),
я всё возвращаюсь к тебе, и жертвую с тихой молитвой...
И верую с тихой молитвой: ты счастлива в жизни земной...



У окна

Белый свет, белый свет...
Не пройти, не проехать.
На далёкой земле не укрыться от бед.
Столько лет! Столько лет
пронеслось без успеха!
Столько лет! Столько лет не оставили след!

Ни к чему уповать
на судьбу безрассудно,
ни к чему горевать о несбывшихся снах.
Лучше просто не знать
в быстротечности будней
о волнующих кровь, но напрасных мечтах.

Белый свет, белый свет...
Он уже не загадка.
На далёкой земле жизнь всё так же скучна.
Мой возвышенный бред
пребывает в упадке.
А на белый на свет я гляжу... из окна.

1988



* * *

По глазам она – сестра небосвода.
Как ты мучаешь меня, мать Природа!
Я ж давным-давно не мальчонка.
А она ещё такая девчонка!

Но лишь только в эти очи я гляну –
очерстевшею душою воспряну.
В них мечтаний молодых откровенья
и истоки моего вдохновенья.

А душе, чего б она ни хотела,
не избавиться от грешного тела.
Я не столь уж безобиден, как видно, –
так моё воображение бесстыдно.

И в груди моей проносятся штормы,
как близки мне эти краски и формы,
эта свежесть, эта кровь голубая!
Невозможная моя, дорогая...

Вот тебе моя рука, в ней конфетка.
Я люблю, люблю, люблю тебя, детка!
Если б тайну ты мою разгадала,
если б знала обо всём, если б знала...

Ты б напротив так легко не сидела,
так беспечно на меня б не глядела.
И тогда б я был избавлен от муки
видеть близко эти тонкие руки,

эти плечики твои, моя радость,
моя терпкая, пьянящая сладость,
эти бледные, как луны, коленки
с их заостренною тенью на стенке;

не была бы ты ко мне милосердна,
не страдал бы я тобой так усердно,
и, конечно же, не смог бы узнать я,
как кокетлив этот краешек платья...

Ах, любить тебя – и счастье и мука,
без надежды, без намёка, без звука!
Ты взираешь, будто образ во храме.
А я – грешник, и с бедой за плечами.

Подрастай, дитя. Пусть я постарею,
пусть я новую беду заимею...
Но тебя, мой ангел, я не забуду.
Я тихонько вспоминать тебя буду.

Падают листья

Довлету Келову

Жёлтые, рыжие, красные
падают листья, кружа...
Где ж наши годы прекрасные?
Ах, не на месте душа!
Очарование дивное,
царство возвышенных грёз,
первые чувства наивные –
счастья, страданий и слёз...

Падают листья осенние.
Так вот и наши мечты...
Ах, это только мгновения
вечной земной суеты!
Это лишь муки напрасные!
Что же ты плачешь, душа?
...Жёлтые, рыжие, красные
падают листья, кружа.

Но мы на что-то надеемся,
даже когда в пустоте,
даже когда разуверимся
в немилосердной судьбе.

И пока живы, нам хочется
света, любви, теплоты,
вырваться из одиночества,
вырваться из маеты! –

чтобы на души скорбящие
да снизошла благодать,
чтобы мечты уходящие
к нам возвращались опять!

Ах, все мы в чём-то несчастные!
И не на месте душа.
Жёлтые, рыжие, красные
падают листья, кружа...

1988

* * *

Когда ты мой голос услышишь
и чутко качнёшь головой,
быть может, письмо мне напишешь
из дали своей вековой.
Покуда докрутится плёнка
в который уж раз до конца,
ты всё мне расскажешь негромко
в строках своего письмеца.

Какие-то давние были
навевает печальный мотив.
«Ещё мы не всё позабыли...» –
подумаешь ты, загрустив.
И тихо вздохнёшь, и рукою
усталость прогонишь с лица.
И скажешь мне что-то родное
в строках своего письмеца.

К нам будет судьба благосклонна;
и зная: надежда жива, –
я буду читать отрешённо
твои дорогие слова.
И нашей печали негромкой,
как видно, не будет конца...
Всё крутится, крутится плёнка...
Всё жду я и жду письмаца...
Я жду твоего письмаца...

1989



* * *

Женщина купила корыто.
Площадь перешла по грязище.
Это очень важно для быта –
чтоб корыто было в жилище.
Пустоты не терпит Природа,
до краёв твореньем набита.
Площади нельзя без народа.
Женщине нельзя без корыта.

Может, дал Господь ей удачу –
мужа, коммуналку и деток;
а теперь – корыто в придачу.
Право, ну не благо ли это?
Будет для мытья и для стирки –
до конца житейского сита.
Очень пригодится в квартирке
купленное нынче корыто.

Женщина купила корыто.
Ах, корыто – это спасенье!
Сколько в нём возможностей скрыто
на субботы и воскресенья!
Звёздочки сверкают на донце,
хочется ловить их руками!
Женщина, Вы видите, солнце,
что ненастье делает с нами!

Дождь январский – серые нити –
лёт с небес простуженных воду.
Вы могли бы в этом корыте
площадь переплыть в непогоду,
Золушкой в сказку умчаться –
разве Вам о том не мечталось?!
Как Вы не смогли догадаться
сделать невеликую малость?

...Ладно. Вы корыто купили.
Без чудес, да всё же – корыто.
Ну а мы с тобой – простофили:
наше-то и вовсе разбито.

1991

Доченька

Может, всё на земле – враньё,
но не кровь, но не кровь...
Ты не знаешь, дитя моё,
что такое любовь.
Ты беспечно глядишь, глядишь,
словно издавека...
Так-то вот,

так-то вот,

доченька.

Наши вечные хлопоты,
суета да возня...
Понимаешь хоть что-то ты,
обнимая меня?
И головку невинную
ты склоняешь слегка...
Так-то вот,
 так-то вот,
 доченька.

До свидания скорого,
до коротких минут.
Твой отец в этом городе
не пройдоха, не плут.
Это жизнь так расставила,
не родная рука...
Так-то вот,
 так-то вот,
 доченька.

Сквозь дворы затенённые
не пройти в полусне.
Там глаза несмышлёные
проступают в окне.
Ну не надо, пожалуйста!
И прости старика...
Так-то вот,
 так-то вот,
 доченька.

1989

Наивный ребёнок

– Мама, посмотри в окошко.
Видишь? – в небе звёздочка светит.

– Спать уже пора, моя крошка,
спи, как все хорошие дети.

– Мама, а соседский мальчишка
в голубей стрелял из рогатки.

– Что-то разболталась ты слишком,
ты не во дворе, а в кровати.

– Мама, мне не спится. Ты знаешь –
кукла Даша вдруг заболела.

– Спи, ну что ты вновь сочиняешь!
Мало дня, ты б ночь с ней сидела.
Спи, уже уснули лошадки.
Спи, уже уснули зайчишки...

– Мама, а ты завтра рогатку
отбери у злого мальчишки.

– Спи! А завтра к дяде Остапу
мы на дачу едем купаться!

– Мама, ты возьми с нами папу,
я без папы буду бояться.

– Да уснёшь ли ты наконец-то?

– Мама, ну возьми с нами папу.

– Больно он нам нужен, отец твой.

Чем он лучше дяди Остапа?
Спи, прошу тебя! (Нет передышки!)
Спят – и твоя кукла, и твой медвежонок,
все твои игрушки и книжки.
Спи! Эх ты, – наивный ребёнок...

Наши сказки

Оле

То в окошко дождик постучится,
то зима, то лето... В день любой
верю, что не раз ещё случится
вспомнить сказки детства нам с тобой.

Сказки никогда не умирают,
наяву приходят и во сне,
и волнуют души, и сияют
звёздами в высокой тишине.

Облачко нам дождик посылает,
солнышко лучами шлёт привет;
ничего напрасно не бывает
с той поры, как существует Свет.

И пускай всегда с тобой пребудет
детство, бережённое от зла,
пусть с тобою вместе будут люди
добрые и добрые дела.

Ну а сказки снова повторяются,
лишь взойдёт над полночью звезда...
Сказки быть забытыми боятся,
но не умирают никогда.

Диптих «Старый театр»

1. Пьеро

Вот – Пьеро. Он плачет день-деньской.
«Господи, да что это со мной?
Как же это горе приключилось? –
зеркальце нечаянно разбилось...»

В зеркальце печального Пьеро
отражение дорогое жило,
близкое, оно его любило
и всегда понять его могло.

Оттого безудержен поток
слёз Пьеро. «Ах, зеркальце разбилось!
Ах, ну как же это получилось?
Как же я его не уберёг?...»

Бедный, бедный, бедный Пьеро...

Вот – Пьеро. Плохи его дела.
День-деньской он плачет над лишением.
Что ему другие зеркала?
В них совсем другие отраженья.

Бедный, бедный, бедный Пьеро...

2. Арлекино и Коломбина

«А что мне до проблем разрушенных идиллий?
И стоит ли гадать – зачем да отчего?
Какие пустяки несчастного сгубили!
Смешно точить перо
на глупого Пьеро.

Удел Пьеро писать слюнявые сонеты
и вечно слёзы лить. О чём? – да всё равно!
А я всегда пою весёлые куплеты!
Смеяться не грешно
над тем, что вам смешно!

Смешно, смешно, смешно! Смешно, и нет сомнений –
от скучного нытья иного средства нет!
Да упаси нас бог от мрачных заблуждений!
Семь бед – один ответ:
Дурак ты! И – привет!

Вот – я, Ваш кумир, Коломбина, –
ну стану ли я унывать?
И когда Вам был нужен мужчина...
Да, когда Вам был нужен мужчина, –
Вам было нетрудно, ну право же, право,
мужчину себе выбирать!

Так пусть себе плачет Пьеро!
Что нам до него, Коломбина?»

«Ах, полноте Вам, Арлекино!
Какой же смешной Вы чудак!
Мне искренне жаль его, но...
Но разве же это причина
для ревности? Мой Арлекино,
я – Ваша, я – Ваша!..
А Пьер, он, Вы правы, – дурак».



Малодушие

«Странно ведь, право, странно –
жить, открывая душу.
Если душа открыта –
виден любой изъян.
Если ж душа закрыта –
как-то оно привычней.
Дело моё ведь, что в ней –
правда или обман.

Если душа открыта,
в ней различимы струны.
Видишь – какой коснуться,
чтобы не прогадать.
Странно ведь, право, странно –
как он идёт навстречу,
зная, что я способен
дёрнуть и оборвать!

Если ж душа закрыта,
легче прельщаться телом,
легче карьеру делать,
видеть: и я не слаб!
Странно ведь, право, странно –
жить, открывая душу.
Будь же, моя душа, ты
в жизни мой вечный раб!..»



* * *

В этой жизни я не вечен,
потому так близок небу,
где начертана дорога,
по которой я уйду.

...И уйду я в бесконечность,
где неведомо – что будет,
и неведомо – что было,
и неведомо – что есть.

Здесь оставляю я надежды,
те дома, где жил и не жил,
зрелость, молодость и детство,
и гитару, и друзей...

Здесь ничто не постоянно,
кроме вечного движенья,
кроме вечного рожденья
и забвения страстей...

Ты, любимая, смиришься,
горе сердца успокоишь,
и поймёшь меня – иного,
и отпустишь в никуда...

Но пока меня ты помнишь,
буду я с тобой незримо,
даже если ты поверишь,
что ушёл я навсегда.



* * *

Снова сяду я в ночной поезд,
снова – в царствие шальной тряски.
Это счастье, что душа ноет
без тебя и без твоей ласки.
Потому что ей, душе, вдосталь
одинокчества, разлук, худа,
потому что я люблю – просто –
потому что ты – моё чудо.

Облетает календарь буден.
Подведём с тобой итог веку.
Как же долг путь и как труден
человека – Боже мой! – к человеку!
Как гудели поезда грустно
и казалась эта жизнь зряшной,
потому что было так пусто
и порою было так страшно!

Вот опять я тороплю поезд
и без сна молюсь ему – зверю,
потому что я тебя помню,
потому что я в тебя верю!
И влечёт меня твоя сладость,
слышу тайну твоего вздоха...
Вот и ты ко мне спешишь, радость,
потому что без меня плохо.

1991



Только огонь не гаси

Сердце, сердце ранимое
страстью и болью наполнено.
Что же ты хочешь, любимая,
чтоб это сердце исполнило?
Всё, что ты хочешь – проси.
Только огонь не гаси.

Только не надо, пожалуйста,
думать – как много утрачено,
сколько судьбою безжалостно
бед нам ещё предназначено.
Господи, нас упаси!
Только огонь не гаси!

Я говорю тебе: ты моя!
Видишь – огонь разгорается!
Слышишь, не бойся, любимая,
зря ничего не случается!
Веруй, надейся, неси...
Только огонь не гаси!

* * *

Я странник тела твоего –
планеты трепетной Вселенной.
В пылу фантазии, блаженный,
я странник тела твоего.

Я шествую через века,
соединяя половины,
и вижу мир из сердцевины
его вселенского зрачка.

Я был пришельцем из миров
тебе неведомых и странных.
И я сказал тогда: «Я – странник.
Дай мне тепло своё и кров».

И ты раскрылась, как цветок,
и я воспел тебя душою.
И вот я странствую тобою.
Я – бог любви. Но не пророк.

Я открываю полюса,
долины, горы и леса...
О, как пьянит живая влага!
Природа – трепетна и нага.

Я к устью странствую реки
через шею, плечи и соски
вулканов в нервном раздраженьи,
там – в недрах – зреет извержение,
взывая страстно и маня:
«Люби меня! Люби меня!»

И я люблю тебя, Планета,
за то, что ты – моя Планета!
И только так, и оттого
я странник тела твоего.



Падают яблоки

*Мы проснёмся под утро
оттого что в саду упало яблоко.
И оно, тяжёлое,
станет причиной
нашей бессонницы до утра.
Выйди, подними его, милая;
оно упало, потому что
пришло время упасть яблоку...*

Игорь Дашко

Падают, падают яблоки ночью в саду.
Сад опадает... Вот яблоко снова сорвалось.
Вслушайся в звуки его: «Опаду. Опаду...»
Сколько же в нашем саду этих яблок осталось?

Ах, не случайна бессонница в яблокопад!
Чует душа, как невидимо время сочится
в бездну из бездны... Вот-вот опустеет наш сад.
Что же тогда с нами будет, а может, случится?

Мы не проснёмся под утро, ты только представь.
А пробудившись, увидим, как осень уныла...
Чувствую я, как на этом кончается явь
и начинается то, что давно уже было...

Был я любим. Так же яблоки зрели в саду.
Молод был я, но казалось, что прожил полвека.
Осень вела ещё лето на поводу
и вместе с ним состоянье души человека.

Помню – стояли последние тёплые дни,
в небе белёсом кружили свой бал паутинки,
ночи так были прозрачны, что лишь протяни
к звёздам ладонь – и на ней засияют слезинки,
будто не слёзы, а звёзды упали в ладонь...

«Ах, ну не надо! Не плачь. Нам и так нелегко
перетерпеть эту боль, и тоску, и усталость...»
Помню я – было страдание её велико
так, что последнее яблоко с ветки сорвалось.

«Что ж теперь делать?»
«Пойдём лучше – выпьешь со мной.
Как ты продрогла, полночи по саду блуждая...»
В доме нас ждали друзья и невеста моя –
рок мой? урок мой? ошибка? – ждала. Предвкушая.

Ну а под утро, когда я уснул и когда
спящая рядом невеста в лицо мне дышала,
тихая тень к моему изголовью припала
и растворилась в рассветных лучах без следа...

Мы пробудились с женою. В оконном стекле
бледное утро безмолвно застыло; а рядом
в комнате серой, как чудо, лежал на столе
плод, до краёв переполненный сладостным ядом.
Плод, что той ночью последним упал тяжело.
Самое время вкушать этот плод подошло.

.....

Я бы, наверно, забыл состоянье тех дней,
если бы заново муки в ночи не рождались,
и одиночество не становилось ясней,
и эти яблоки сладкими мне не казались...

Так вот вся жизнь – то цветенье, то яблокопад...
Что же потом? Слышишь? – яблоко снова сорвалось.
«Жертвуем. Жертвуем...» – ветви листвою шелестят.
Сколько же в нашем саду этих яблок осталось?



Две истории

1. Южная история

Он сказал: «На свете
я совсем один...
Как над морем светят
звёзды из глубин!»
И проник он взглядом
в душу к ней до дна...
И сказать «Не надо!»
не смогла она.

А она сказала:
«Посмотри – Луна...
Что ж, – она сказала, –
ведь и я одна...»
И вздохнуло море,
чуткое всему:
ей – на север вскоре,
на восток – ему.

...И пришёл яснее
ясного рассвет.
Он спросил: «Жалеешь?»
И услышал: «Нет».
И под звуки эти
разошлись они,
как одни на свете,
как совсем одни.

2. Грустная история

Он страдал триста лет, ждал он и скитался.
Триста женщин чужих – триста бед обрёл.
Лишь единственной он так и не дождался.
Лишь единственной он так и не нашёл.

И она триста лет горе горевала.
Всё чужим да чужим накрывала стол.
Всё искала его... И не отыскала.
К ней единственный он так и не пришёл.

* * *

Где синяя река тиха и глубока
и дремлют облака над ней, как отраженья,
где целый год – весна, где лето – целый год,
и осень – целый век, и вечность – вдохновенье...

Где милые стоят берёзы над рекой,
а розовый закат их нежно утешает,
а утро красит всё чудесностью такой,
что если смотришь вдаль, душа изнемогает...

Где небо и земля – достойные любви,
хрустальные дожди, серебряные росы...
Там в доме у реки я бы жил спокойно, и...
и тем бы разрешил извечные вопросы.

Ужель жестокий меч над сущностью нагой
все радости обрёк на горести земные?
Но я уже не здесь! Но я теперь другой!
Здесь только тень моя дела вершит – иные.

Но сам-то я не здесь! Здесь только тень моя,
которая всегда вопросами томится

и всё чего-то ждёт... Но это же не я! –
так долго я б не смог в сей жизни находиться!

А тень мечтой живёт – о женщине, о ней!
О, тень, ты – моя боль, была с прошлою судьбою!..
В той жизни наконец обрёл я счастье дней
с единственной моей, придуманной тобою.

Как ею я любим! – так не любим никто.
И как нам хорошо друг другом наслаждаться –
там, в доме у реки...

А здесь – моя лишь тень
с её мечтой – найти,
и с верою – дожждаться.

1991



Моё крыло

В. Высоцкому

*Всё относительно, мой друг,
всё относительно –
и тишина, и рокот улицы дневной.
А счастье моё тем и удивительно, –
что есть крыло... и бездна подо мной.*

О. Р.

В тишине ночной
замирают звуки.
А вдали – рассвета зарево.
Я лечу чужой,
простирая руки
в бездну своего Марева.

Вот моё крыло,
вот моя природа,
чистая дорога Млечная!
А в душе светло,
а в душе свобода –
сладкая моя, вечная!

Мне не страшен Рок,
не грызут сомнения,
от обид – одно лишь гарево.
Мне никто не бог,
кроме Вдохновенья,
кроме моего Марева!

Мне никто не дан
здесь в соглядатаи
(ненавижу тень шустрю!),
мне никто не пан –
что хочу, то знаю,
так, как я хочу, чувствую!

Вот моё крыло,
вот моя природа,
чистая дорога Млечная!
А в душе светло,
а в душе свобода –
сладкая моя, вечная!

1989



* * *

Я не раб поклонения званьям и почестям,
я не верю деньгам и надменным пророчествам,
я не ведаю истин, сомневаясь в душе,
и во что только, право же, я не верю уже.

Мне смешны уверения мнимых приятелей
и досужие вымыслы «доброжелателей».
И, наверное, многое б я потерял,
если б верил во всё, если б всем доверял.

Я не слеп, чтоб не видеть дела бестолковые,
я не глух, чтоб не слышать призывы бредовые.
Пусть на них ярлыки грандиозных идей.
Ну а я – несознательный, я за честных людей.

И я не верю царям – лжи, тщеславья, безличия.
(Перед Богом Великим все ничтожны величия).
Но я верю, я верю всей душою своей
в доброту и любовь, и, конечно, в детей.

И хоть зло мне пророчит конец мироздания,
я, как вечный закон, не приемлю страдания!
Потому что без веры даже я не могу.
И покуда я жив, я её берегу.

1990

Акварель

Когда художник в руку кисть берёт
и смотрит в глубину свободного пространства,
он, может быть, не знает наперёд –
в какое облачит его убранство...

Уже потом, когда увидел я,
как будто из окна, творение – Природу,
весну, что так и кличет на свободу:
«Смотри, как чудно здесь, иди ко мне, дитя!
Вот тихий полдень, сон и тёплая трава;
а вот, смотри – цветы, прекрасные, как дети;
склонились к водопаду дерева,
пьют влагу... И над всем так ясно солнце светит!
Утешься, отдохни, от будней отрешись,
поверь, что впереди ещё, дитя моё, вся жизнь!»

...Так вот, когда потом увидел я,
как будто из окна, творение – Природу,
я в детство убежал, я ощутил свободу,
я чувствовал: бегу; и думал: я – дитя!..

Блажен входящ в страну души творца,
кто может видеть свет его лица
и чувствовать вблизи его дыханье.

Блажен творец, затронувший сердца.
И всё переплелось. И нет конца –
ни творчеству души, ни созерцанью...

Сиреневый сад

Я в сиреневый сад окунусь с головой,
всей душою прильну к этим запахам пряным.
Как я жил до сих пор в суете, сам не свой,
истощён маетою и самообманом?
Что я нынче? Вот завтра – проснусь на заре,
и воспрянет душа, и придёт вдохновенье,
и, как чудо, к убогой своей конуре
я почувствую жизни прикосновенье,

* * *

Негромко, негромко, негромко,
негромко скажи о своём...
Что там на ниточке тонкой
держится вниз остриём?
Голос в толпе безнадежен,
но небесами храним.
Мир твой прекрасен и нежен.
Век твой неумолим.
В нём твоё сердце страдает,
разум теряет покой.
И остриё угрожает,
нитка тонка над душой.

Не по струне, но по кромке
ходишь ты, чуждый толпе.
Как это можно – негромко?
И почему о себе?..





Стихи разных лет

Птица-дэвица *поэма-феерия*

Плыл эхом звук в начале сна,
как дальней флейты глас.
И знал я: птица есть одна
с девичьей синью глаз.

В глуши древлянской средь болот
та птица-дэвица живёт.
И человек о ней не знает,
не слышит, как она поёт,
так, будто страстно призывает,
и как природа замирает,
едва вздыхая: Он придёт...

И знал ещё: лишь я один
тот различаю зов,
и над собой не господин,
был к ней идти готов.
Что это? – плод моей мечты,
рождённый из ночей?
Любимой видел я черты
и мир её очей!

Как сердце бьётся! Всё сильнее –
скорее к ней, скорее к ней!

Потом в стремительном вращенье
пространства сна перемешались,
и я упал в изнеможеньи
не зная где. За мной смыкались
глухие чащи. Но гляди:
болото было впереди.

И помню тишь. Она нависла
над головой неразрешённо.
Рассвет едва забрезжил сонно.
Я ждал.
И вдруг –
о боже!..

В жизни скучной
такое всё ещё бывает,
когда в тревоге ожидаем
немыслимого чуда мы.
И если чудо возникает,
то потрясает! Потому что
никто судьбы своей не знает –
за дверью тьмы.

Я видел птицу. Как знаменье
беды в мой сон она влетела,
спустилась в травы и запела –
бледно сравненье – горячо.
Я долго слушал в изумленьи
и пребывал в оцепененьи.
Потом обмякло моё тело,
и тень упала на плечо...

Но крик в сознании пустом
встряхнул меня. Раздался гром.
Сверкнула молния с небес.
Миг – и в огне – болото, лес.

Огонь, огонь со всех сторон!
Я им пленён и обречён.
«Проснись, – кричу себе, – проснись!»
И слышу зов: «Приди! Вернись!
Любимый, ты меня забыл!»
Я вижу птицу. Но без крыл.
Огонь коснулся птичьих перьев
и тело девы обнажил.

И к ней, пылающий, сквозь ад
я бросился, и наугад
бежал, схватив девичье тело,
пока моё не опустело...

Потом мы в небо вознеслись
и там в единое слились.
Но было жарко, в самом деле, –
я жил в чужом каком-то теле,
которым птицу обвивал.
Вскипела страсть.
Был вечер ал.

А птица плакала, смеялась,
и так, ласкаясь, говорила:
«Как долго я тебя боялась!
Как больно я тебя любила!
Теперь с тобой мы оба – птицы!
И прошлое не повторится».

«Но я же сплю, – я ей сказал, –
ведь я проснусь».
«Но ты уж стал, –
она прижалась, – мой желанный, –
(и тут проник я в морок странный) –
моим подобьем. Бездыханный
вон труп того, что было – ты».

И я на землю с высоты
взглянул, и смерти ужаснулся.

И стал я в страхе падать вниз.
За мной неслось: «Вернись! Вернись!..»
Но было поздно – я проснулся.

1983

Узы

*«Знаю, кто опутан узами,
тот – потерянный человек,
ибо нечто инородное
пустило корни в его душе»
Джозеф Конрад*

Я хотел бы любить –
так, как верящий в идеалы.
Будто палец в висок –
откровенность без тени вранья.
Я хотел бы любить,
если б этого не было мало
или если бы мог
обмануться и я был – не я.

Я хотел бы любить,
разрушая канонов границы;
я хотел бы любить,
познавая прекрасную новь.
Я б желал её пить
жарким ртом из бездонной криницы
и желал бы объять
необъятую эту любовь.

Я хотел бы любить,
но без вечных бесплодных терзаний,
чтоб несбыточных грёз
мне в бредовом уме не таить.
Я хотел бы любить,
не страшась роковых испытаний,
не скитаясь, как пёс,
оттого, что не смог угодить.

Я хотел бы любить,
чтобы голову чувство теряло...
Не могу сгоряча.
Не сумею себе изменить.
Вот колчан опустел,
и уходит Амур с пьедестала,
жалко крылья влача
и бесстыдство стараясь прикрыть.

Да, я мог бы любить –
так, чтоб пели счастливые музы,
чтоб высокий мотив
подбирать к благородным словам.
Как дышать мне и жить? –
всё святое опутали узы.
И разрушен мой Храм.
Лишь осталась химера – я сам.

Да, я мог бы любить...
Что ж глядишь на меня ты с усмешкой?
Не поймёшь всё равно,
ведь понять – не колени раскрыть.
В твоих мыслях одно:
кем я буду – орлом или решкой?
Ну а мне не дано
ни того, ни другого. Как быть?..

Песенка про Сеньку

У меня есть Сенька друг, Сенька друг, Сенька друг –
от него жена ушла подло.

Он решил – ему каюк.

А я зову его на юг:

Поедем, Сень, на юге баб – кодрло!

Там, на юге, будем мы, будем мы, будем мы
пить у моря синего пиво –
потому что люди мы, люди мы, люди мы,
и имеем право мы жить красиво!

Здесь тоска и бесприют, льют дожди, холодно.

А на юге – солнышко золотое.

На песочек ляжем мы, сытые, голые,
поглядим на небушко голубое!

Не отчаивайся, брат, зря страдать надо ли?

Эх, гульнём на юге мы хорошенько!

Чтобы звёзды в руки нам падали, падали –
стоит только захотеть, Сенька!

И тогда мне Сенька друг, Сенька друг, Сенька друг –
он в сердцах ответил мне дерзко.

А я ведь что? – Да я как друг

сказал: Поехали на юг!

Хотя и там, конечно, всё – мерзко.

1991



СМС через роуминг

Любви не дали разыгаться в сердце...
Тогда всё было просто и легко.
К тому ж ещё, мы были иноверцы
и жили друг от друга далеко.

От станции в созвездии Дракона
я долетал к Вам раз в пятнадцать лет.
Мы коротко встречались вне закона
близ Ориона
и – прощай-привет!

Потом... – ты помнишь?! – были СМСки
через роуминг в созвездии Кита!
Потом – война... В астрале занавески,
ни челноков, ни связи, ни черта...

И я почти забыл... Но не случайно
в твоё созвездье снова послан я!
И вспомнил всё, и так необычайно
горит мой хвост и блещет чешуя!

2007

* * *

Писал стихи. Проголодался,
да так, что пост не удержал.
И стал я суетным, и сдался,
и рифмовал: «похвал», «бахвал»...

С поэзией быть надо строже:
смирять влечение к естеству,
в лесу, сумняшеса ничтоже,
вкушать опавшую листву,

чтоб не быть графоманом света –
скакать по кочкам, не строкам,
и чтоб, крещая в пост, поэта
хлестали ветви по рукам!

О песнях Булата

Родной поэт и сердцу близкий,
спой нам о таинствах души,
про свой Арбат, про двор Тифлисский,
о маме нежно расскажи.

Война – что гнула! Не согнула.
Лишь сердце кровью облила.
Надежда руку протянула,
любовь и вера – два крыла.

Живи, неси любовь сквозь годы
в тот каждый день и в каждый час,
где судьбы разные у нас,
а души – родственной природы.

...Пусть будут светлыми обличья,
врачуй, целебное родство.
Душе во благо не величье,
душе во благо – естество.

1986



Ветер перемен. Год 1986
из цикла «Солдатские песни»

Родиону Тихомирову

...А ночью пили водку.
Мы – матросы на старом судне,
 впавшем в крен.
Эх, нам бы сесть в послушную лодку,
взять курс навстречу ветру перемен!
И семь футов под килем!
Вперёд, братцы, вперёд!
Вспомним всё, что забыли,
сбросим всё, что гнетёт!
На вёсла наляжем дружно,
наперекор волне!
Знаем, куда нам нужно
идти на своём челне, –
туда, где назло стихиям,
назло всем диким ветрам
идут корабли голубые
к счастливым своим берегам!
Солнечным бризом полнятся
крепкие паруса!
Сбудется всё, исполнится,
свершатся все чудеса!

Хватит нам церемониться,
хватит напрасно ждать,
время пришло опомниться,
время прошло молчать.

– Ты был труслив и холоден,
всю жизнь пресмыкался рабом,
боясь получить по морде,
за что наделён горбом.

– А ты жил в беспечном блаженстве,
всё обещал и лгал,
строил себе благоденствие
тем, что на всех плевал.

Да, нас лишь время рассудит.
Но правда своё возьмёт!
Верю я: светлым будет
завтрашний наш поход!

Дружно мы тянем тросы!
Но судно-то впало в крен.
Жаль, мы лишь только матросы
на корабле перемен.

Да если б не наши раны
и вездесущий обман...

Ну-ка, налей в стаканы,
если не слишком пьян...



Одуванчиковый мёд

Собираю чемоданчик.
А иначе – жди беды.
Друг мой, жёлтый одуванчик,
оторвись от лебеды.

Вдруг приснилось: над рекою
дом, и луг, и пчёлки лёт,
боль снимает как рукою
одуванчиковый мёд.

Он течёт в меня, я стою
этой доли, чуть густой.
Хорошо, что я не с тою.
Хорошо, что я простой.

Кто-то дал мне эту чашу –
и на шею, и на грудь
проливаю – Боже! – нашу
одуванчикову суть.

...Притаился мой подранчик.
Топот стих. Ушли, горды.
Собираю чемоданчик.
Уезжаю от беды.

2019



Настя

Памяти Н. Шиповой

Где же теперь ты, Настя? Тут свет поник.
Помнишь? – ты улетала на материк.
Дала мне ключи от твоей квартиры. Я жил один,
над бухтою, в январе, когда шли дожди.

Помню тебя подростком: Барзовка, смех,
родители твои живы, и все – за всех.
Потом я со сцены вижу концертный зал:
ты взрослая... Ты приезжаешь ко мне на вокзал...

Мне грезится озорной твой и грустный взгляд,
как будто я еду туда и вернусь назад –
в ту зиму, в тот дом над бухтою, где я жил,
где чистая наша дружба не тянет жил.

Мне чудится – как иду по Большой Морской,
как струны поют у Игоря в мастерской,
как благородством святится наш музей.
И как тебе не хватает в миру друзей.

...Ко мне забегал Андрюша, чуть подшофе,
по лестницам мокрым сбегали мы в арт-кафе.
Ты сожалела, звонила, наш человек.
Где же теперь ты, Настя, – как прошлый век?

Я в Севасе пел концерты, держа баррэ.
Нам духу ещё хватало кутить с Андрэ.
А ты не смогла вернуться – болезнь, дела.
Потом я уехал.
И снова болезнь.
И война.
И ты... умерла.

Пока не пришло ещё время мне спеть в Раю, –
так грустно, так больно – за добрую душу твою,
за лёгкую, без короны, как тихий звук...
Что ж... царствуй, прощай, незабвенный мой милый друг.

2024

Приметы

Воробьи из города улетели.
В нашем парке деревья опустели.

А когда вернутся к ним цвиркуны,
стихнут взрывы, и не будет войны.

2024

Будет день

Хочется мира и Бога,
добрых в пути деревень,
детского счастья и много
радостных встреч. Будет день.

Слышишь, товарищ сердечный,
мы неразлучны с тобой.
Берегу жизни навстречу
катится строчек прибой.

Правда и верность нас лечат,
смех, отгоняющий лень...
В чёт он придёт или в нечет,
с новой мечтой – будет день.

Ах ты! – в полосочках белых,
с чересполосицей тризн.
День, говори же мне: Делай! –
Пусть продолжается жизнь...

2023



Ответ

Глебу

Личное – узкая сфера,
всё остальное отбрось...
Но до какого ж размера
нынче оно разрослось!

Каждому сроку – старенье.
Сердцем ищу благодать.
Юности острому зренью
нынешних дней не видать.

Сын мой, товарищ и брат мой,
я уже начал ответ.
Боже мой, как неохватно
личное в зрелости лет!..



ГДЕ СИНЯЯ РЕКА

Блажен.....	2
Пролог.....	3
«...А надобно писать стихи тогда...».....	4
Эпиграмма себе.....	4
«О, это женское начало!».....	4
«Мы живём, покрыты скорлупою».....	4
«Шёл никому ненужный человек»	5
Зимняя хандра.....	5
«Почему тоскливо так деревьям...».....	6
«Улетают птицы вдаль».....	7
«Я о Вас не ведаю».....	8
«Я далёко еду, берегу надежду».....	9
Девичья песня.....	9
«Ты как бабочка летишь...».....	10
«Влюблённому юноше песен не пой...».....	11
Две флейты.....	12
Одиночество.....	13
«– Расскажи мне о себе».....	14
Возвращение к надежде.....	14
«Для людей нет счастья неземного».....	15
«Из зарослей лиан, из дремучей темени...»	16
Баллада о распятии Сына Божьего.....	17
Сон над обрывом.....	18
«Чесні люди ходять одні».....	19
Примара.....	20
1993-й.....	20
Песня о доброте.....	21
«Ты – поэт, тебе не надо славы».....	22
«Хорошо бывать на праздниках друзей».....	22
«В жизни всё тревожно».....	23
«Какое счастье жить на этом дивном свете».....	24
Девушка моей мечты.....	25

«Ты приходишь в ночи из холодной дали».....	26
Я разбил свою гитару.....	27
Песня о моей любви.....	29
У окна.....	30
«По глазам она – сестра небосвода».....	30
Падают листья.....	32
«Когда ты мой голос услышишь...».....	33
«Женщина купила корыто».....	34
Доченька.....	35
Наивный ребёнок.....	37
Наши сказки.....	38
Диптих «Старый театр»:	
1. Пьеро	39
2. Арлекино и Коломбина.....	39
Малодушие.....	41
«В этой жизни я не вечен».....	42
«Снова сяду я в ночной поезд».....	43
Только огонь не гаси.....	44
«Я странник тела твоего».....	44
Падают яблоки.....	46
Две истории:	
1. Южная история.....	48
2. Грустная история.....	49
«Где синяя река...».....	49
Моё крыло.....	50
«Я не раб поклонения званьям и почестям».....	52
Акварель.....	52
Сиреневый сад.....	53
«Улетел мой птенчик желторотый».....	54
«Негромко, негромко, негромко...».....	55

СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ

Птица-дэвица (поэма-феерия).....	56
Узы.....	59
Песенка про Сеньку.....	61
СМС через роуминг.....	62
«Писал стихи. Проголодался».....	62
О песнях Булата.....	63
Ветер перемен. Год 1986.....	64
Одуванчиковый мёд.....	65
Настя.....	66
Приметы.....	67
Будет день.....	68
Ответ.....	69

Олег РУБАНСКИЙ

ГДЕ СИНЯЯ РЕКА

Стихи

Иллюстрации: Анастасия Хлань

Редакторы: Роман Чудновский, Татьяна Драгенко

Дизайн и вёрстка: Роман Чудновский

rubanski.at.ua

Киев 2025



**Олег Рубанский – киевский поэт и композитор,
музыкальный педагог,
создатель многих творческих проектов.
В настоящую книжку вошли стихотворения автора,
написанные преимущественно в 1980-х –1990-х гг.**

